

Психоаналитический опыт переживания времени – время, которое не течет

Т.Л. Станкевич

Станкевич Татьяна Леонидовна – клинический психолог, психоаналитик, член Парижского психоаналитического общества, член Международной ассоциации психоанализа, член Московской психоаналитической ассоциации, старший преподаватель Магистерской программы по психоаналитической психотерапии Высшей школы экономики (НИУ ВШЭ).

Психоаналитический опыт переживания времени в психоаналитическом кадре уникален. Он не соответствует историческому, линейному или циклическому измерению. Время в психоанализе не течет, но истекает. А прошлое не проходит. Бессознательное игнорирует время, но именно через Я рождается время – из противоречий между требованиями Оно и реальности, противоречий, отмечаемых восприятием. Ритмичный, прерывистый и одновременно непрерывный, раскадрированный психоаналитический процесс дает пациенту возможность пересмотреть и пережить опыт новых восприятий. Но не для того, чтобы лучше каталогизировать свою историю, но чтобы реинтерпретировать ее, обретая новое качество связности и непрерывности своего существования.

Ключевые слова: время, ритм, порядки времени, психоаналитический кадр, психический аппарат, Я, Оно, сновидение.

*«Коль ты незрелым мигом овладел,
Раскаянье да будет твой удел.
А если ты упустишь миг крылатый,
Ты не уймешь вовеки слез утраты»
Уильям Блейк*

Каково знание, что предоставляет нам психоанализ? Прежде всего, это опыт, опыт переживания в анализе, или, что то же самое, – переживания чуждого, странного порой до такой степени, что мы можем его сохранить как основное знание и возможно – единственное? Знание о том, что время не течет.

Так говорит в своей книге «Время, которое не проходит» Жан-Бертран Понталис – у психоанализа нет, не может быть своего времени. Он не из другого времени, но из времени иного. Он анахроничен, или, лучше, следуя за Ницше и его идеей «вечного возвращения», сказать – безвременен. Он есть, и должен быть, безразличен к духу времени.

Это представление об ином времени ниспровергает все наши представления о времени – времени циклическом, если мы размышляем о вращении нашей планеты или возвращении времен года; эволюционном, если мы ссылаемся на развитие видов и организмов; линейном, но не прямом, а прерывистом, если мы прослеживаем ход истории человечества (и слово «прерывистое» нам еще пригодится в дальнейшем, когда мы будем рассуждать о функционировании психического аппарата). Это противоречит нашему общему восприятию: это годы, ускользающие сквозь пальцы, как песчинки, сыплющиеся в песочные часы, наши дни с их собственным ритмом, тело и разум, которые мы ощущаем по-разному в периоды подъема и спада.

Порядки времени настолько императивны, что мы подчиняемся им сами по себе: помимо воли, и даже против воли, не осознавая того или осознавая, – настолько эти порядки в природе самих вещей. Это порядки, на которые наталкиваешься как на стену, если пытаешься их оспорить. Фактор времени оказывает на нас давление и постоянно выставляет нам счета. Уже в начале VI века до нашей эры греческий философ Анаксимандр полагал, что «все вещи, что ни есть, взаимно оправдывают друг друга и восстанавливают справедливость в порядке времени». Для Геродота, которого часто называют отцом истории, история – это интервал, исчисляемый в поколениях, за который осуществляется переход от несправедливости к каре или к искуплению вины.

Пациент на кушетке, следуя за своими ассоциациями, наблюдая в своем дискурсе смешение архаики и современности, подчас с удивлением, «как будто это впервые», а иногда с чувством подавленности, обнаруживает нарушение порядка времени.

В психоаналитическом кадре часто можно наблюдать ситуации, когда время не течет, но истекает, а прошлое – не проходит. Дезориентированные во времени – и на всякий случай я напоминаю, что в кабинете психоаналитика для пациента нет часов, – пациенты нередко чувствуют непостижимое ускорение и переживают неожиданный инсайт, устанавливая контакт с персонажами или ситуациями из прошлого, которые появляются внезапно, словно вещи, вытащенные из старого комода, или словно давно утраченная фотография без даты, на которой будто из-за кулис возникает забытая или никогда не знаемая картина. Этот момент настоящего в сеансе более заряжен аффектом, чем найденная в прошлом деталь, потому что в данную секунду весь душевный мир пациента заключен в этом моменте. Здесь мы говорим о прошлом, которое присутствует в настоящем, и это прошлое оживляется для того, чтобы пациент мог почувствовать себя более целостным. Это одновременно и потеря, и находка – психоаналитическое событие, которое переносит пациента вперед. Пруст, с его

великим творением «В поисках утраченного времени», хорошо описал подобные переживания.

Другие пациенты порой попадают в разломы времени, или временные щели – понятие, которое ввела Ханна Арендт, и ощущают не инсайт, но стагнацию, или тупик. Эта щель между прошлым и будущим – странный промежуток в историческом времени, где мы осознаем временной интервал, полностью определяемый тем, чего уже нет, и тем, чего еще нет. В такие моменты историческое время замирает.

Так говорит мне один пациент: «Я родом из той катастрофы, в которой сам не побывал. Мое поколение родилось из события, которого не знало».

Иногда нам предоставляется возможность увидеть такое на киноэкране. В 1985 году вышел фильм французского режиссера-кинодокументалиста Клода Ланцмана Shoа – необыкновенно мощная работа, посвященная историческому свидетельству, памяти, чувству вины и их отсутствию. Представляя зрителю людей, «начинающих осознавать себя свидетелями» геноцида евреев в Европе, автор снимал дистанцию между прошлым и настоящим, пытаюсь выявить в настоящем присутствие прошлого. Так, через болезненный опыт восстановления пробелов в памяти, герои фильма заполняли белые пятна и обретали части своей души, оставленные в прошлом.

Другие социальные трагедии, более недавнего происхождения, еще долго будут продолжать распространяться различными путями и с различными ритмами, оставляя следы в межпоколенческой и индивидуальной истории.

Тупик, разлом во времени, из которого не получается выбраться, пациентка Жана Понталиса описывает так: «Мне сорок лет, а я все еще там!» Там, то есть в замкнутом пространстве, за закрытыми дверями, в карантине, где она обречена быть. Там, где она демонстрирует своему аналитику яркий пример из «Подавления. Симптома. Тревоги». Там была ее мать, удовольствие которой она игнорировала и без конца ворчала, как теперь она ворчит на своего аналитика, и там она вела бесконечную борьбу, пытаюсь соблазнить своего недоступного отца, которого не привлекала ее женственность. Он продолжал оставаться безразличным, и она унижена презрением к нему. Она невосприимчива ни к чему, кроме этих двух фигур, и только с ними она ведет бесконечные споры. В другое время она хранит молчание, запертая в этой тишине, как будто когда-то она отказалась меняться, как будто она существует не иначе как одновременно и включенная, и исключенная из первосцены, которая, будучи непредставимой по своей природе, может быть разыграна только в форме импульса и паралича мышления – потому что в ее случае мышление и дикая сексуальность без меры затянуты в тугую узел. Говорить на публике для нее – непристойно, звонок телефона воспринимается как взлом. Между ней и другими – тонкая перегородка, прозрачная и непрозрачная одновременно. Она убеждена, что не транслирует своим детям ничего, кроме деструктивной страсти. Она верит в то, что ее аналитик стремится ее уничтожить.

Ее время застыло, утратило свое значение и лишено всякого движения. Она сама обездвижена перед закрытой дверью. Другая форма прошлого в настоящем – *après-coup*, здесь не работает. «Я навсегда – ничто. Все, что оживляет мою душу, не мое. В самом начале игры партия уже была сыграна. А потом снова и снова – толчки и потрясения. На всем пути – одни препятствия».

Однако есть нечто, что послужило Фрейду поводом думать о том, что время есть не то, что о нем говорят. Это – сновидение. Оно – как стрела, проникающая через несколько пространств и временных периодов. Оно путает времена, но также обладает одновременностью, совмещает в себе разные ритмы – ускоренные или застывшие, как в замедленной съемке, сновидение дает жизнь *мертвому* и позволяет *исчезнувшему* появиться. Чтобы развязать представления, отделить означающее от означаемого, необходимо, чтобы развязывание происходило с течением времени. И сновидение развязывает время – приснившийся сон превращается в сказку, даже если он содержит абсурдные черты, которые касаются порядка времени, он все равно будет описан в темпоральной логике: в его повествовании будут «до», «после», «затем» и «в конце». Сон будет наделен началом, последовательностью и содержать в себе прошлое – «вчера ночью я видел сон» и настоящее – «я сейчас говорю о нем в сеансе».

В аналитическом сеансе многое существует вне времени – бессознательное игнорирует время. В 1915 году в работе «Бессознательное» Фрейд пишет: «Процессы системы бессознательного находятся вне времени, они не относятся к определенному времени, не меняются со временем и игнорируют его течение». Именно через Я рождается время – из противоречий между требованиями Оно и реальности, противоречий, отмечаемых восприятием. Время может быть воспринято только при помощи механизма – прерывистого, циклического, ритмичного, к которому необходимо подключить другой механизм, который позволит нам исследовать подлинность того, что последовательно получено. Вот что говорит Фрейд в своей «Заметке о чудо-блокноте» (1925): прерывистый, периодический режим работы системы предсознание – сознание, а если идти дальше – режим темпоральный, лежит в основе возникновения представления о времени». Восприятие не является пассивным процессом – Я периодически посылает небольшие инвестиции, благодаря которым оно пробует на вкус внешние раздражители, после чего вновь ретируется. Можно сказать, что наш психический аппарат ритмично пульсирует, и здесь важно заметить, что слова *влечение* и *пульсация* (толчки) происходят из одного и того же латинского слова *pulsus*. И, таким образом, *управляемая Я пульсирующая активность влечения* способствует знакомству с внешним миром.

Подобно этому ритмичный, прерывистый и одновременно непрерывный, раскадрированный психоаналитический процесс дает пациенту возможность пересмотреть и пережить опыт новых восприятий – не для того, чтобы лучше каталогизировать свою историю, но реинтерпретировать ее, обретая новое качество связности и непрерывности своего существования.

Ритмичная, предсказуемо нетравматичная периодичность материнского ухода, а также психоаналитического кадра позволяет сформировать предвкушение, которое помогает спроецировать *ожидание*, которое будет восприниматься как «это будет после», формируя начала представления о времени. Можно предположить, что основы ожидания исходят из галлюцинаторного удовлетворения, которое позволяет ребенку ждать, когда мать, по Винникотту «достаточно добрая мать» (по-французски *good enough mother – la mère assez bonne* означает «достаточно добрая мать»), постепенно вселяет в него разочарование, немедленно не откликаясь на его потребности тогда, когда для него это становится терпимым. Мать вводит *отсрочку* – период ожидания – *время*, необходимое для того, чтобы ребенок мог безопасно ощутить «непрерывное ощущение существования», которое станет основой здорового психического функционирования. Ритмичность и непрерывность материнской заботы формируют целостность и преемственность во младенчестве и способствуют установлению психики в *семе*. Об этом знают не только психоаналитики:

– *Лучше приходи всегда в один и тот же час, – попросил Лис. – Вот, например, если ты будешь приходить в четыре часа, я уже с трех часов почувствую себя счастливым. И чем ближе к назначенному часу, тем счастливее. В четыре часа я уже начну волноваться и тревожиться. Я узнаю цену счастью! А если ты приходишь всякий раз в другое время, я не знаю, к какому часу готовить сердце... Нужно соблюдать обряды.*

– *А что такое обряды? – спросил Маленький принц.*

– *Это тоже нечто давно забытое, – объяснил Лис. – Нечто такое, отчего один какой-то день становится не похож на все другие дни, один час – на другие часы.*

Антуан де Сент-Экзюпери. Маленький принц

Отталкиваясь от этого, нельзя умалить значение хорошо темперированной кушетки в психоаналитическом кадре. И, несмотря на то что в аналитическом сеансе многое существует вне времени, существует время сеанса. И мы все время учитываем это двойное напряжение. К тому же понимание времени и отношение к нему в процессе работы с пациентом является важным различием между французским и англосаксонским психоанализом. Если британские аналитики опираются на линейную эволюционную модель прошлое-настоящее-будущее, то французский психоанализ подчеркивает нелинейность времени и гетерохронность психического аппарата. Андре Грин ясно показывает, что время расколото. Бернар Шерве говорит о том, что аналитик является «хранителем времени» – он следит за временем, пока пациент на кушетке старается придать динамику своему вечному бессознательному.

Говоря о времени сеанса, нельзя не отметить, что в англосаксонском психоанализе сеанс длится 50 минут, а во французском – 45. И важное различие между ними состоит не в этих «лишних» 5 минутах, а в том, что 45 минут – это три раза по 15. И это не только разница во времени сеанса, это задает ритм и предоставляет еще один способ понимать

и интерпретировать конфигурацию психоаналитического процесса. Это можно сравнить с музыкальным размером три четверти, где счет ведется на «раз-и», «два-и», «три-и». В зависимости от психического функционирования пациента можно слушать его материал не только как текст, но как некую мелодию, которую можно уловить между словами, смену тональностей, – нечто, что привносится в сеанс, но не репрезентируется словами.

Здесь уместно привести клиническую виньетку из анализа молодой женщины, Клары, которая пришла в анализ запросом о понимании своего Я и более полном переживании себя, которого ей не доставало. Из материала пациентки невозможно было понять, почему ее мать, любящая старшего сына, так жестоко и немилосердно обращалась с младшей дочерью – моей пациенткой.

Через некоторое время после начала анализа в сеансах этой пациентки наметился определенный паттерн – первые 15 минут сеанса пациентка говорила весьма активно, затем во второй четверти она замолкала, и в кабинете повисала тягостная атмосфера отчаяния и чего-то невыносимого. Если она что-то произносила, то голос ее менялся – становился глухим и невыразительным. Затем она оживала и последние 15 минут сеанса вновь походила на ту женщину, которую я когда-то видела на первичных интервью, – активную, молодую и весьма живую.

Слушая Клару в сеансах, я все больше и больше понимала с течением времени, что в ее истории есть нечто, чего мы не знаем и что представляется мучительной атмосферой середины сеанса. Ее мать, теплая и любящая в отношении старшего сына, была безразлична и холодна, а порой откровенно жестока с нею. Эта перемена в матери заставляла меня думать о некоей потере, которая когда-то произошла в реальности, но так и не стала частью истории моей пациентки – я размышляла о концепте «мертвой матери» Андре Грина.

Эта середина сеанса, похожая на реквием, подвигла меня к размышлениям о том, что пациентка не может пережить, отгоревать событие, которого она не знает. В какой-то момент, когда она снова говорила мне о том, как жестоко обращается с ней мать, я спросила ее, знает ли она что-нибудь о том, что произошло в семье в ее раннем детстве или в период, когда ее мать была беременна ею и как она вынашивала эту беременность. Пациентка не могла ответить на этот вопрос, но спустя некоторое, довольно долгое, время, вернувшись из родного города, она сказала, что задала его матери, и ей рассказали, что, когда мать была беременна ею, это была двойня и второй близнец замер. Это был мальчик. В тот момент пациентке стала понятна ее тоска по утраченному альтер-эго и ее поиски своего близнеца, своего Кая, которые часто были отражены в ее творчестве – она писала стихи. Так, через внимание к ритму и конфигурации сеанса, мы смогли найти утраченное событие, что запустило новый виток переживаний пациентки в поисках ее частично утраченной идентичности.

И наконец, возвращаясь к эпиграфу к данной статье, нужно отметить еще один важный момент ощущения времени на психоаналитической

кушетке. Это момент встречи состояния пациента и верной интервенции или интерпретации аналитика. Неудачный опыт передается словами одной из моих пациенток: «Мой предыдущий аналитик всегда говорил, когда мне это было не нужно, и молчал, когда я отчаянно нуждалась в словах». Подобный опыт оживляет ранние переживания отсутствия встречи с объектом, опыт непонимания и, до определенной степени, опыт несуществования. Напротив, вовремя сказанное слово дает нашим пациентам чувство непрерывности, адекватного обмена и либидинального наполнения. Вот что говорит об этом в своей книге «О времени» Норберт Элиас: «Концепты *прошлого, настоящего и будущего* выражают отношение, которое устанавливается между серией изменений и опытом, который привлекает из них отдельная личность... Мгновение, определенное внутри слитного потока, принимает вид настоящего только в соотношении с человеческим индивидом, который его проживает, в то время как другие принимают вид прошлого или будущего. В качестве символизации прожитых периодов эти три выражения представляют собой не просто такие последовательности, как астрономический год или логическая пара "причина-следствие", но также и одновременное присутствие этих трех измерений времени в человеческом опыте. Можно сказать, что прошлое, настоящее и будущее составляют, хотя речь и идет о трех различных словах, единый концепт».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Арендт Х.* Люди в темные времена: [Очерки]. М.: Московская школа политических исследований, 2003.
2. *Жибо А., Россохин А.В.* Психоанализ во Франции, или Как научиться жить с неопределенностью // Россохин А.В. Французская психоаналитическая школа. М.: Питер, 2005.
3. *Фрейд З.* Психоаналитические этюды. Минск: Попурри, 1997.
4. *Фрейд З.* Торможение. Симптом. Тревога. Собр. соч. в 10 т, М.: СТД, 2006.
5. *Elias N.* Du Temps. Paris: Fayard, 1997.
6. *Benveniste E.* Le langage et l'expérience humaine. Paris: Gallimard, 1966.
7. *Pontalis J.-B.* Ce temps qui ne passe pas, Paris: Gallimard, 1997.

Experience of time in psychoanalytical setting – the time that does not pass

T.L. Stankevich

Stankevich Tatiana Leonidovna, clinical psychologist, psychoanalyst, member of the Paris Psychoanalytical Society (SPP), member of the International Psychoanalytical Association (IPA), member of the Moscow Psychoanalytical Association (MPA), senior lecturer of the Master's Program in Psychoanalytical Psychotherapy of the Higher School of Economics.

The psychoanalytic experience of time experience in the psychoanalytic setting is unique. It does not correspond to historical, linear, or cyclical dimensions. In psychoanalysis time does not flow, but expires. And the past does not pass. The unconscious ignores time, due to our Self the time is born – from the contradictions between the requirements of unconsciousness and reality, the contradictions registered by perception. Rhythmic, intermittent, and at the same time continuous and framed – psychoanalytic setting gives the patients the opportunity to reconsider and experience new perceptions. But not in order to make a better catalog of their history, but to reinterpret it, gaining a new quality of coherence and continuity of their existence.

Keywords: time, rhythm, orders of time, psychoanalytic setting, psychic apparatus, Self, Unconsciousness, dream.